

И. А. ГОНЧАРОВ

Социализм в исторической ретроспективе

Социализм как теория и идеология должен быть понятен современному читателю, в особенности это касается представителей старшего поколения. После «полной победы социализма», что было связано с принятием сталинской конституции, СССР стал считаться страной победившего социализма. Опыт, приобретенный поколениями, выросшими в условиях социалистической действительности, стал ассоциироваться с правилами и нормами общежития, задаваемыми этой идеологией. В результате у подавляющего большинства российских граждан сформировался своеобразный симптом «заочного знакомства с социализмом», т. е. «я в это время еще был мал, или не родился, ничего об этом не читал, но тем не менее я знаю что это такое».

Соблазн близкого знакомства через опыт родителей или собственные воспоминания опасен тем, что порождает искаженное представление как об историческом прошлом, так и о том, чем же являлся социализм на самом деле. Сегодня мы видим некоторое ностальгическое обращение к советскому прошлому России как на идеологическом, так и на обыденном уровне. Эта ностальгия проявляется в телепередачах, в ток-шоу и пр. Такие исторические искажения в принципе неизбежны и их влияние обязательно необходимо учитывать, оценивая тот или иной исторический феномен, в данном случае советский социализм.

Помимо неверной исторической оценки феномена социализма возникает и второй вопрос — вопрос о сущности социализма, или иными словами, вопрос об идее социализма. Этот вопрос вполне закономерен уже потому, что эта идея не является вне-историческим феноменом, поскольку само слово «социализм»,

возникшее в XIX в. в работе Пьера Леру, указывает на конкретное историческое происхождение данного понятия. Отсюда мы можем предполагать, что сущность социализма не формировалась одномоментно, в противном случае от нее остались бы общие места вроде общности имущества, коллективизма и пр., т. е. то, что лишено всякого исторического содержания и поэтому представляет собой чистую абстракцию, ничего общего не имеющую с понятием и сущностью социализма.

Как и всякое понятие, социализм представляет собой предмет, развивающийся по мере его изучения, при этом необходимо учитывать, что полное раскрытие понятия возможно только чрез всестороннее определение, учитывающее весь исторический путь его становления. Таким образом, можно сформулировать, как минимум, два методологических принципа, предвещающие исследование феномена социализма. Первый — это учет исторического опыта России и СССР при восприятии советского опыта; второй — это рассмотрение понятия через логику его исторического становления.

Вместе с тем, учитывая специфику развития русской общественно-политической мысли, необходимо ввести еще один методологический принцип, связанный с национальной спецификой общественно-политической мысли. Долгое время, практически до революции 1917 г., российская интеллигенция, в той или иной мере имеющая отношение к социализму, получала опыт теоретического осмысления феномена социализма через воспроизводство дискуссионных вопросов, возникающих в немецкой и французской социал-демократической литературе, а еще ранее — в утопических произведениях Фурье и Оуэна.

С одной стороны, рассматривая так называемые дискуссионные проблемы социализма, как они представлены в российской общественно-политической мысли, можно говорить о вторичности материала, и так называемом «ухудшении образца». Однако учет национальной специфики русского социализма позволяет избежать столь однозначного и поспешного вывода.

Говоря о национальной специфике русского социализма, необходимо учитывать тот социальный ландшафт, на который накладывались всевозможные проекты социального переустройства. Специфика Восточной Европы в целом и России в частности заключалась в том, что страны этого региона долгое время были поставщиками сельхозпродукции с приоритетом

крупного землевладения. Пореформенные процессы в России, как и в других странах, были связаны с освобождением рабочей силы, люмпенизацией населения. Социализм крестьянской общины, замешанный на круговой поруке и недоверии к власти, становится в России своеобразным противовесом формированию капиталистических отношений в деревне. Аналогичные формы борьбы с капитализмом в рамках так называемого феодально-абсолютистского социализма были распространены и в других странах восточной Европы*. Существенным отличием русского феодального социализма было то, что эта социальная форма никак не была представлена на политическом уровне, в то время как в других странах этот тип социализма был представлен земельной аристократией, выдвигавшей соответствующие политические инициативы.

Отсутствие политического представительства компенсировалось движением сверху, т. е. со стороны дворянско-разночинной прослойки. Начиная с декабристов политическая борьба за освобождение крестьян обретает жертвенный пафос. Революционная деятельность превращается в некую религиозную жертву без религии. Этот пафос соотносится с негативной целью свержения самодержавия и всего политического порядка. Учение социализма было положительно воспринято практически всей радикально настроенной российской интеллигенцией. Это, скорее всего, можно было объяснить тем, что негативный идеал радикалов дополнялся положительным учением о будущем устройстве общества.

Сначала социализм воспринимается в его утопической интерпретации Оуэна и Фурье**. Со временем представители разночинной российской интеллигенции, находящиеся в эмиграции, становятся активными участниками становления европейской социал-демократии. Полемика с представителями различных направлений социалистической мысли находит свое отражение в русскоязычной литературе, в частности полемика с так называемым катедер-социализмом***. Эта традиция участия в процессе становления социал-демократии, как французской, так и немец-

* См. об этом подробнее работу П. Б. Аксельрода «Социализм и мелкая буржуазия», представленную в настоящем издании.

** В настоящем издании их учения представлены в изложениях, соответственно, Н. А. Добролюбова и М. В. Буташевича-Петрашевского.

*** В настоящем издании эта полемика представлена в предисловии В. Тарновского к книге А. Шэфле «Сущность социализма».

кой, находит свое продолжение в деятельности В.И. Ленина и в его полемике с К. Каутским и Э. Бернштейном.

Существенным отличием российского социализма от его западного образца был его радикальный характер, сформировавшийся в среде революционеров первой волны и воспринятый следующими поколениями революционеров. Этим отличалась практика русских революционеров, в частности большевиков, которые в принципе выступали против любых форм буржуазной парламентской демократии*.

Другой особенностью русского социализма было представление о крестьянской общине как элементе социализма, который позволит перейти непосредственно от феодально-абсолютистского режима к социализму, минуя капиталистическую стадию развития с ее противоречиями. Об этом свидетельствует сохранившийся набросок письма К. Маркса к В. Засулич. Судя по всему, К. Маркс отвечает на вопрос русской революционерки о том, возможно ли для России обрести свой собственный путь некапиталистического развития, ввиду наличия такого элемента, как крестьянская община**. При этом К. Маркс не отрицает возможности особого пути для России и мотивирует свой ответ тем, что осведомленность об опыте капиталистического накопления представляет историческую силу, которая реализуется в осознанной практике. В силу этого исторический процесс не носит характера автоматической закономерности, но предполагает творческое изменение и формирование исторической реальности. Эта возможность рационального вмешательства в исторический процесс, обусловленная его открытостью, мотивировала не одно поколение российских революционеров, да и не только революционеров.

Русская религиозная философия во многом обязана своей спецификой обращением к особому месту России в историческом процессе. Этот симптом впервые проявляется в первом философическом письме Чаадаева, где он отмечает отсталость России, обусловленную ее выпадением из исторического процесса. То, что было недостатком для либералов, стало достоинством для консерваторов. Отсталость России с ее особым социальным укладом становится основой особого уклада, который проявляется

* Об отношении большевиков к парламентской демократии см. в настоящем издании работу В.И. Ленина «Государство и революция».

** Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 401.

в феномене соборности, являющемся практически основным элементом российской философской культуры. Таким образом, элементы социализма, представленные в «мире», т. е. в российской общине, начинают рассматриваться как возможность нового все-ленского порядка, реализуемого в так называемом христианском социализме*. Таким образом, идея «особенного» исторического пути России обуславливает национальную специфику русского социализма, начиная с радикально-народнического его варианта и заканчивая религиозными интерпретациями социализма.

Особенный путь России обуславливает приоритет российской культуры. В славянофильстве и сочинениях В. Соловьева этот приоритет основан на особенностях источников российской религиозной культуры. При этом подразумевались святоотеческая и платоническо-византийская традиции. В дворянско-разночинной традиции духовный приоритет русского социализма, по крайней мере, в его идеальной форме, начинает осознаваться уже А. Герценом, который видит в западных пролетариях потенциальных мещан, ставящих своей целью достижение буржуазного благополучия**. Этот приоритет в духовной сфере свойственен всему спектру русских социалистических учений, что связано с тем, что изначально в русской общественно-политической мысли социализм нагружается неким дополнительным содержанием — сверхзадачей. В религиозной интерпретации это соответствующий идеал личности, в большевизме это идеал мировой революции.

Эта черта сохраняется даже в эпоху так называемого развитого социализма. Так, например, разработчики идеи развитого социализма*** считали, что данный тип общества построен только в СССР, а остальные страны социалистического лагеря еще не дошли до данного уровня развития. Это не могло не вызывать некоторого непонимания, поскольку уровень экономического развития, равно как и уровень жизни населения в ряде социалистических стран был несколько выше, чем в СССР. Очевидно, что здесь имелся в виду не уровень экономического развития, а

* См. работу С. Н. Булгакова «Христианство и социализм» в настоящем издании.

** См. об этом в работе К. Н. Леонтьева «Средний европеец как орудие всемирного разрушения», представленную в настоящем издании.

*** О концепции развитого социализма см.: Политика и общество: Социально-полит. проблемы развитого социализма / под ред. А. К. Белых и Л. Т. Кривушина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.

сущность той миссии, которая, как считали разработчики идеи развитого социализма, возложена на СССР, а именно: спасение мира от империалистической угрозы.

Таким образом, рассматривая национальную специфику русского социализма, можно выделить следующие черты, ее определяющие. Во-первых, к объективным условиям можно отнести специфический социально-политический ландшафт, сформировавшийся в России к середине XIX в., определяющийся наличием элементов феодально-абсолютистского социализма. Во-вторых, следует обратить внимание на специфические особенности российской образованной прослойки, настроенной на радикальную борьбу с самодержавием, вдохновляемую идеалом жертвенности за счастье русского народа. В-третьих, начиная с XIX в. ведущей идеей, связанной с историческими судьбами России, становится идея об особом пути ее развития. В социалистических учениях это проявляется в идее об особом пути построения социализма, опирающемся на крестьянскую общину как элемент будущего социалистического общественного порядка. Этот особый путь предполагал возможность избежать капиталистической фазы развития с ее ужасами первоначального накопления. В-четвертых, эта уверенность в особом пути исторического развития сформировала в русской интеллигенции идею приоритета русской культуры над западной, которая проявилась в отрицании мещанства западной социал-демократии и нагруженности русского социалистического идеала некой сверхзадачей, помимо обустройства общественной жизни.

В истории социализма как утопии, идеологии и общественного движения период XIX в. можно было бы определить как утопически-теоретический период. Это время создания моделей общественного быта, основанного в той или иной степени на принципах общественной собственности. Определяя русскую социалистическую мысль конца XIX в., П. Аксельрод ассоциировал ее с бакунизмом, что представляло собой как бы два уровня этой мысли: утопический проект, с одной стороны, и абстрактные призывы к бунту на основе инициативы масс — с другой*. Таким образом, можно обозначить первую антиномию социализма, вскрывающую-

* Аксельрод П. Б. Кто изменил социализму? (большевизм и социальная демократия в России) // О революции и социализме. М., 2010. С. 474–475.

юся уже в рамках утопически-теоретического этапа его развития: несовместимость социального проекта общественного переустройства и реально существующей политической системы общества.

Ряд антиномий вскрывались непосредственно при анализе значения термина «социализм». Уже в статье П. Леру социализм противопоставляется индивидуализму, что подразумевает возможность антиномии. В дальнейшем именно вокруг этих понятий разворачивается основная дилемма понимания природы социализма. В русской политической мысли XIX–XX вв. были также обозначены различные позиции по данному вопросу начиная с работ В. С. Соловьева и Н. А. Бердяева, отрицающих возможность совмещения социализма и индивидуализма, и заканчивая работами М. И. Туган-Барановского, отстаивающего не только совместимость данных понятий, но настаивающего на их практическом совпадении по спектру возможных значений.

Третья антиномия не столь явная связана с понятием труда при социализме. Определяя количество и качество труда в «Капитале», К. Маркс пришел к выводу, что существуют два типа труда — простой и сложный, тем самым подразумевая возможность сведения сложного труда к простому, или наоборот, за счет суммирования временных затрат с учетом соответствующего коэффициента. «Простой средний труд, хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее, для каждого определенного общества есть нечто данное. Сравнительно сложный труд означает только возведенный в степень или, скорее помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого труда»*.

Таким образом, была практически уничтожена так называемая качественная составляющая процесса труда, составляющая творческое начало трудовой деятельности. Эта антиномия не выявляется в чистом виде, но становится очевидной, когда, в соответствии с прогнозом К. Маркса, его последователи пытаются интерпретировать его положение о том, что труд должен превратиться в первую жизненную потребность человека. Утратив творческий характер, труд остается отчужденным в любых условиях, приводя к технологизации самого жизненного процесса.

* Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 54.

Данная антиномия количественного и качественного понимания труда переходит в достаточно известную антиномию производства и распределения при социализме. Наиболее коммунистически-утопический взгляд в русской общественной мысли был высказан П.Л. Лавровым в связи с выходом работы А. Шэфле «Сущность социализма» на русском языке: «Мне кажется, что сам принцип “оплаты” работы не может, с этой точки зрения, иметь места в будущем обществе. Плата большая или малая лишена всякого значения для личности, которая и без того обеспечена в своем развитии. Как оплатить определенный труд работника в общественном строе, где он и без того обязан отдавать на общественное дело все свои силы и где общество, со своей стороны, обязано давать ему все необходимое из общего имущества?»*.

Таким образом, условно можно выделить четыре антиномии социализма как общественно-политического учения. Во-первых, это несоответствие социального проекта политической реальности; во-вторых, это противоречие между индивидуализмом и коллективизмом; в-третьих, это противоречие между простым и сложным трудом; в-четвертых, это противоречие между производством и распределением.

Итак, обратимся последовательно к каждой антиномии и посмотрим, какие их решения предлагались в русской социалистической мысли. Первая антиномия, связанная с социальным проектом и с его воплощением в политическую реальность, свойственна не только социалистическим утопиям, но характерна для всякого социального проектирования начиная с идеала всеобщего братства Платона и политики Аристотеля и заканчивая ренессансным проектированием городов в контексте герметической традиции. В русском социализме это противоречие разрешается двумя возможными способами. Первый относительно мирный, и связан он с постепенным внедрением элементов социализма и общественной собственности в повседневную жизнь. Такого взгляда на социализм и его реальные возможности придерживались П. А. Сорокин и П. А. Кропоткин**. Исходным пунктом подобного представления о возможности внедрения идеала, как ни парадоксально, служит отрицание этого же идеала в его целостности.

* Лавров П. Л. Примечания к книге А. Шэфле «Сущность социализма» // Шэфле А. Сущность социализма. Женева, 1881. С. 124–125.

** См. соответствующие работы в настоящем издании.

Социалистический идеал в этом случае перестает быть чем-то целостным, а представляет собой определенную совокупность общественных практик. Подобное отступление от платоновского идеала совершает в свое время Аристотель, показывая, что существующая форма товарного хозяйства, т. е. ойкономия вполне соответствует идеалу общественного пользования имуществом, находящимся в частной собственности, поскольку цель каждого собственника — получение продукта, обладающего общезначимой ценностью, что определяет общественные обязанности каждого собственника и каждого производителя. Таким образом, в уже существующей, примитивной форме товарного обмена Аристотель видит возможность осуществления идеала.

Для подобного подхода необходимо своего рода непредвзятое отношение к существующей политической и социальной реальности. К концу XIX в. существенно изменяются отношения между трудом, капиталом и государством. К сожалению, для многих русских революционеров, особенно радикально настроенных этот факт остался либо незамеченным, либо был заклеен как оппортунизм рабочего движения. Однако, если взглянуть на этот процесс со стороны национального государства, его основных целей, то мы увидим, что освобождение труда, ставшее результатом буржуазных преобразований, обрекло на нищенское существование подавляющую часть пролетариев, что не могло не вызвать соответствующих социальных вызовов, грозивших уничтожить саму государственность. Вмешательство государства в систему социального обеспечения рабочих, которая до сих пор была представлена частной благотворительностью капиталиста, ознаменовало новый этап государственного строительства, связанного с созданием мощного бюрократического и военного аппарата. Социальное обеспечение рабочих, а затем и всех наемных работников становится основным мотивом деятельности государства*, оправданием его централизации и бюрократизации. В этом пункте социал-демократия смыкается с государством и становится одним из элементов политической среды, обеспечивающих его функционирование.

П. А. Сорокин, пожалуй, был одним из немногих интеллектуалов и революционных деятелей, который не был заражен так

* См. об этом подробнее: *Кастель Р.* Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. М., 2009.

называемым историзмом марксистской идеологии, что и позволило ему непредвзято оценить те процессы, которые происходили в Европе и отчасти в России в конце XIX – начале XX вв. Так, он оценивает социализм с точки зрения длительной перспективы и с той точки зрения, что для дальнейшего существования человечества данная форма организации является наиболее адекватной, что обусловит в дальнейшем победу социалистических отношений. При этом социализм представляется как реальная практика внедрения элементов общественной собственности в ходе реформирования социального и политического пространства современных государств.

Несколько иные мотивы определяют отношение П. А. Кропоткина к возможности совмещения политической реальности и общественного идеала. Если позиция П. А. Сорокина напоминает позицию катедер-социализма и социал-реформизма Э. Бернштейна тем, что основные изменения у него ассоциируются с политической реальностью, а точнее с государством, то П. А. Кропоткин пытается обнаружить в современной ему реальности, негосударственные формы социалистических отношений, т. е. те, которые создаются на добровольной основе и представляют собой добровольные ассоциации, действующие на взаимовыгодной для их участников основе. К таковым относятся участники различных потребительских объединений, страховых обществ и пр. В отличие о П. А. Сорокина для П. А. Кропоткина социалистическим потенциалом обладают только те формы общежития, которые создаются вне государства и на основе добровольной инициативы граждан.

Однако такое разрешение противоречия между социальным идеалом и политической реальностью не было свойственно нескольким поколениям российских социалистов. Наиболее радикальный вариант решения этой проблемы представлен в настоящем издании «Катехизисом революционера» С. Г. Нечаева. Это отношение в той или иной степени было свойственно практически всем социалистам. Историзм К. Маркса мог бы здесь стать своего рода противовесом радикальному экстремизму, поскольку предполагал совпадение объективных и субъективных факторов в революционном процессе. Но нельзя забывать о том, что российский марксизм вырос из народничества, которое склонялось в своем радикальном варианте к террору. П. Л. Лавров, В. И. Засулич, Г. В. Плеханов прошли хорошую школу конспирации и работы

в условиях эмиграции и подполья. Поэтому создаваемая партия марксистов, состоящая вначале из «стариков», а позже и из новых adeptов, воспринимала уже существующие формы организации как основу формирования нелегальной социалистической партии. Однако чистая форма есть нежизнеспособная абстракция, поэтому вместе с формой организации новая партия усваивала уже традиционные для российского революционного движения методы реализации общественного идеала, предполагающие применение насилия.

Вторая антиномия социализма может вполне считаться одной из главных, поскольку именно в ограничении индивидуальной свободы, доходящей до тоталитаризма, т. е. до глобального контроля власти за жизнью подданных, обвиняли социализм, как утопический, так и обретший свою реальность в ряде политических режимов XX столетия. Эти обвинения социализма демонстрируют крайнюю позицию обозначенной дилеммы и определяют социализм, как и любую форму коллективизма, как понятия, противоречащие индивидуальной свободе.

В русском социализме как теории или утопии весьма трудно найти такие сочинения, которые оправдывали бы данный подход к индивидуализму и социализму. И у критиков социализма, таких как В. С. Соловьев, Л. А. Тихомиров, мы не встретим отрицания коллективизма, да и социализма как возможной формы общежития. Взаимопроникновение индивидуального и коллективного начал создает гражданское общество, буржуазное по сути, но эта буржуазность обязана своим существованием сдерживанию коллективного начала правами отдельного человека. Социализм как одна из форм обустройства жизни вполне приемлем как добровольная ассоциация. Именно так дилемма трансформируется в анархизме П. А. Кропоткина, а именно как противопоставление добровольности и принуждения, личности и государства.

Специфика антиномии индивидуального и коллективного начал в русской общественно-политической мысли заключается в том, что в религиозной мысли идеал социализма и коллективизма встречаются здесь с однопорядковым, на первый взгляд, идеалом соборности. Анализ всех этих понятий содержится в работе С. Н. Булгакова, в которой он пытается показать, что христианский идеал соборности является общечеловеческим и не может быть партийным по своей сути. Именно так должно понимать христианский социализм. В русской мысли и радикаль-

ный, и христианский социализм равно направлены на решение антиномии индивидуального и коллективного начал. Алгоритм этого решения в его лучшем и прозрачном варианте представлен П. А. Флоренским в его работе «Иконостас», где автор показывает, что данный алгоритм восходит к платоновской традиции, различающей человека и его сущность. Здесь соединяющее людей начало должно исходить не из нужды, но из свободного общения тех, кто стремится к истине. И у Платона, и у Флоренского человек как агент экономических отношений является личностью незавершенной, неполноценной. Поэтому сама дилемма коллективного и индивидуального лишается здесь своего смысла, поскольку один из контрагентов, а именно личность не соответствует своему понятию. Эту тему П. А. Флоренский довольно подробно рассматривает в «Столпе и утверждении истины». Действительно, личность есть то, что отлично от других, но если она живет как все, мыслит как все, то и в своем смертном уделе наследует анонимность, т. е. умирает как все. Личность по Флоренскому находится между родовым началом и ликом. Лик — это результат творчества личности по созданию себя самой, т. е. ойкономии. Будучи результатом индивидуального усилия и подвига, лик несет в себе общечеловеческое начало и поэтому обладает типичными чертами, воплощающими в себе единого Вечного человека.

Соборность, в соответствии с данным идеалом, является своего рода социальным аналогом Вечного человека, и коллективизм здесь возникает как результат стремления каждого к созиданию себя самого через приобщение к идеалу. Этот коллективизм не может быть внедрен насильственными по своей природе, т. е. правовыми нормами, но должен возникать в области нравственной, автономной от политической и экономической сфер общественной жизни*. Коллективное начало заложено в человеческой сущности, и поэтому в русской религиозной интерпретации социализма и коллективизма, в конечном счете, последний должен восторжествовать над индивидуальным началом.

В версии русской революционной мысли мы также не сможем встретить безусловного признания приоритета коллективного над индивидуальным. Более того, один из самых последовательных защитников социалистической идеи М. И. Туган-Барановский стремится показать, что только социализм дает возможность

* Флоренский П. А. Иконостас М., 2005. С. 20–2.

гармоничного и всестороннего развития личности. Так, по его мнению, все разновидности утопического социализма от Платона до Сен-Симона и Фурье не признавали возможности автономной личности. Открытие личности, по мнению М. И. Туган-Барановского, было связано с Кантом и его принципом автономности морального суждения, который уравнивал в моральном плане всех людей, давал им равное право на человеческое достоинство со всеми вытекающими правовыми следствиями. Однако общество, построенное на частной собственности, не может предоставить каждому человеку возможность реализовать право на индивидуальность и человеческое достоинство. Поэтому социализм с его принципом коллективной собственности можно рассматривать как конкретную реализацию кантовского учения об автономии морального суждения и правового статуса личности.

В русском социализме представлена также и утопическая версия примирения индивидуального и коллективного начал. Речь идет о приведенной выше мысли П. Л. Лаврова, где это примирение достигается за счет некоего глобального изменения общественных отношений. Это изменение настолько радикально преобразует социальные условия, что частная жизнь и все представления, с нею связанные, остаются в прошлом, да и само противостояние коллективизма и индивидуализма лишается всякого содержания. При этом выявляется основное отличие революционного русского социализма от религиозного. Если последний настаивает на первичности нравственного труда над собой при достижении идеала симбиоза личности и коллектива, то первый как раз утверждает приоритет общественного начала, обеспечивающего личность возможностью творческого труда. Именно труд, ставший первой жизненной необходимостью, способен выйти из ситуации антиномичности индивидуального и коллективного.

Попытки реализации социалистической идеи выявили трудности, которые становятся серьезным препятствием в реализации идеи свободного творческого труда при социализме. Похожие в общих чертах работы В. И. Ленина и М. И. Туган-Барановского отдают приоритет государственным органам в организации социалистического производства. А это означает наличие элемента принудительности в распределении тех или иных видов труда. Фактически получается, что социализм остается на том же уровне, что и капитализм в предоставлении всем членам

общества возможности свободного неотчуждаемого творческого труда. Разница заключается в том, что во втором случае на месте государства оказывается «невидимая рука» рыночной экономики. Таким образом, в радикальной версии русского социализма вопрос о возможности преодоления антиномии коллективного и индивидуального остается открытым.

Третья антиномия во многом связана со второй и является следствием и объяснением предыдущей. Она может показаться незначительной, даже своеобразным дополнением, имеющим частное значение. Противоречие простого и сложного труда связано с тем, что само понятие сложного труда, представленного как сумма простого, уничтожает качественную границу, которая предполагает, что мастерство и квалифицированный труд требуют определенного типа личности. Следовательно, переход от простого к сложному труду скрывает третий компонент, личностный. Творческий труд требует и соответствующей личности, которую невозможно представить как сумму в принципе.

Упрощенное представление о труде обязано своим появлением трудовой теории стоимости, рассматривающей потребительную стоимость как некую абстрактную величину или константу. В то же время качество продукта измеряется именно способностью вещи выполнять функцию, ради которой она была изготовлена. В 1913 г. В. И. Ленин пишет заметку «Научная система выжимания пота», в которой осуждает применение системы нормирования труда Тейлора как стремление капиталистов увеличить количество прибавочной стоимости. При социализме система нормирования труда становится основой производства, поскольку реальная оценка стоимости по результату становится невозможной вследствие отсутствия рынка, поэтому стоимость товара оценивается по затратам времени. При этом, чтобы оценить «общественно-необходимые» затраты на производство единицы продукции, при отсутствии рынка советские экономисты вынуждены были опираться на ту же систему Тейлора, рационализирующую процесс труда. Эта система, примененная в социалистическом производстве, была лучшей иллюстрацией того, что любой труд может быть представлен как сумма составных компонентов.

Такое понимание трудового процесса, вылившееся в определенную практику, входило в противоречие с тезисом о творческом характере труда при социализме, который должен был решать антиномию индивидуального и коллективного. Поми-

мо теоретических трудностей применение концепта простого труда обернулось, в конечном счете, серьезными проблемами в экономике, когда в СССР возникла необходимость повышения производительности труда в конце 60-х годов XX в. Повышение производительности предполагалось осуществить за счет качественного изменения процесса труда. Но эта задача так и не была решена. Причиной тому стала зависимость социалистического производства от концепта простого труда, который сформировал основные принципы затратной экономики.

Четвертую антиномию производства и распределения при социализме можно назвать своеобразной амальгамой социализма, поскольку решение этой антиномии дает возможность решить и все остальные. Эта антиномия проявляется как на теоретическом, так и на практическом уровне. На практическом уровне она иллюстрируется экспериментами Р. Оуэна: в колонии Нью Гармони, где были применены принципы коммунистического распределения, существенно упала производительность труда, а в Нью Ланарке, где сохранялась традиционная система производства и распределения, этого не произошло.

В теории эта проблема рассматривается в катедер-социализме и дает себя знать при составлении программ социал-демократической партии. В «Критике Готской программы» К. Маркс указывает на основное противоречие, которое мешает ввести систему справедливого распределения при социализме. Во многом эти рассуждения могли стать результатом критики бедности как экономического принципа Ж. Прудона.

Так, например, Прудон считал несправедливым распределение по труду, т. е. в соответствии с затраченным каждым работником количеством труда. Несправедливым этот принцип считается потому, что количество труда, необходимого в обществе, ограничено суммой потребностей, следовательно, каждый спрос на труд имеет свои границы. Поскольку труд является еще и необходимым условием жизнеобеспечения рабочего, то его можно сравнить с такими ценностями, как воздух вода, т. е. с естественными условиями необходимыми для жизни. Отсюда следует, что все рабочие имеют равное право на труд. Стремление заработать больше общественных благ, затрачивая больше труда, со стороны отдельного рабочего будет выглядеть как посягательство на общественную собственность, каковой является определенное количество востребованного труда в конкретном обществе.

Очевидно, что К. Маркс придерживается той же логики, когда говорит в «Критике Готской программы» о том, что первый принцип распределения при социализме по сути своей является принципом буржуазного права. Речь идет о принципе распределения «От каждого по способностям — каждому по труду». Равенство распределения по труду оборачивается неравенством в глобальном масштабе, обрекая тех, кто по той или иной причине не способен предоставить больше труда, на нищенское существование, образуя «резервную армию пролетариата». То есть об этом принципе распределения можно говорить только на первой стадии коммунизма или же в так называемый переходный период.

Вторая ступень коммунизма предполагает подлинно коммунистический способ распределения, который может быть сформулирован следующим образом: «От каждого по способностям — каждому по потребностям». Однако, если с реализацией первого принципа распределения практически не возникает никаких проблем, то со вторым дело обстоит гораздо хуже. Очевидно, что на утопически-теоретической ступени развития социализма на вопрос о том, каково качество и предел этих потребностей, как правило, сложно найти ответ. Это связано с тем, что первоочередной задачей социалистического строительства было проведение социальных реформ или же более радикальных социальных преобразований для удовлетворения потребностей рабочих в пище, одежде, жилье, медицинском обслуживании. Эти потребности, казалось бы, предопределены самой природой человека и имеют природой же обусловленный предел. Вместе с тем уже К. Маркс указывал на то, что удовлетворенная потребность воспроизводит себя в расширенном виде и имеет, следовательно, историческое содержание. В исторической перспективе потребности потребления должны были превратиться в потребности творчества, что соответствует тезису К. Маркса о том, что после революции в производственных отношениях труд становится первой жизненной потребностью человека. То есть речь идет о качественном изменении самой личности, живущей при коммунизме.

Здесь социализм как описание общественно политической практики приходит к своей границе, и этой границей является внутренний мир личности, ее нравственные приоритеты. Как известно, именно эта иллюзия социализма о спонтанном изменении потребностей была разрушена в XX в. в рамках критической традиции франкфуртской школы. Так, например, исследовав

структуру потребностей при капитализме, Г. Маркузе в своем «Одномерном человеке» приходит к выводу, что репрессивное отношение человека к природе как к предмету труда порождает репрессивную технологию производства, которая производит репрессивную же систему потребностей, формируя рабочего как элемент глобальной технологии. То есть речь идет о разрушении одного из главных мифов социализма о том, что с развитием производительных сил и удовлетворением первичных потребностей можно будет получить совершенно новый тип личности, для которой будут практически стерты границы между политическим и социальным, индивидуальным и коллективным, простым и творческим трудом.

Вместе с тем, как мы видим из содержания материалов, размещенных в настоящем издании, социализм вообще и русский социализм в частности рассматривают социалистический проект как более или менее последовательное решение этих антиномий. Антиномия производства и распределения играет выдающуюся роль в построении архитектоники социализма в современном его понимании. В той же «Критике Готской программы» К. Маркс отмечал необходимость затрат на расширение производства, помимо затрат на непосредственное потребление. В условиях централизованной социалистической экономики антиномия производства и распределения трансформируется в дилемму товаров группы А (средств производства) и товаров группы Б (товаров широкого потребления). Эта дилемма оказалась непреодолимой в социалистической экономике, поскольку качество и количество товаров группы Б существенно уступало тем же параметрам группы А.

Это отставание имело глобальное негативное значение для советской экономики, поскольку товары, приобретаемые рабочими, в силу их нехватки и низкого качества снижали предел полезности заработанных денег и полезности труда в целом, что и обусловило слабое стимулирование труда рабочих и сделало невозможным качественный скачок в производительности труда. Нельзя сказать, что теория социализма в целом и русский социализм в частности не предполагали решение проблемы групп товаров А и Б. Условием становления последней ступени неантагонистического общества должно было стать формирование всесторонне развитой личности, для которой труд стал бы первой жизненной потребностью. В этом случае всякое потребление превращалось и в личное, и в производственное потребление одновременно.

Таким образом, в основе решения той антиномии, а вслед за ней всех остальных лежит некое основание, некий философский камень социализма, который волшебным образом преобразует несовершенство и противоречивость социализма в стройное и последовательное учение. И этим основанием является совершенная личность, спонтанно возникающая на фоне социалистических преобразований, но все время остающаяся за пределами анализа авторов-социалистов.

Специфика русского социализма заключалась в том, что все указанные выше проблемы теоретического характера в той или иной степени находили свое выражение в работах авторов, обращавшихся к этой теме. Сугубо теоретический характер антиномий социализма и специфика общественно-политической реальности России формировали уверенность в возможности решения в уникальных условиях российской действительности. На более позднем этапе своего развития русский социализм демонстрирует эту самостоятельность в решении спорных вопросов строительства нового общества, чем существенным образом преобразует как внутренний порядок в стране, так и основы глобального международного порядка.

